

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
на диссертацию Алексея Сергеевича Максимова
«Инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности
России в условиях гибридной войны»,
представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по
специальности 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

Представленная диссертация написана на *актуальную и важную тему*. Диссертант тщательно перерабатывает с учетом современных реалий положения теории гибридной войны. Под такой войной первоначально понимались «вооруженные конфликты, где используются различные формы и методы ведения вооруженной и невооруженной борьбы» (крупномасштабные информационные операции, кибероперации, быстрое развертывание и широкое применение сил специального назначения, сочетание регулярных и повстанческих сил и т. д.)¹. Создатель теории гибридной войны Ф. Хоффман подчеркивал, что такие войны могут вестись как негосударственными субъектами, так и государствами, а нерегулярная тактика и затяжные формы конфликтов, часто осуждаемые как «оружие слабых», могут применяться и сильными в военном отношении акторами². Понятие постепенно распространяется на конфликты, в которых открытое применение силы противниками может начаться только на

¹ Krivko M. and Bolgov R. (2021) Special Aspects of Modern Hybrid Warfare on the Internet: Ontological Analysis and Russian Experience, in: Bolgov R., Atnashev V., Gladkiy Y., Leete A., Tsyb A. and Pogodin S. (eds.), *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*, Springer, Cham, Switzerland, https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_23. P. 257.

² Hoffman F. (2009) Hybrid Warfare and Challenges, *Joint Force Quarterly*, vol. 52, pp. 34-39, URL: <https://smallwarsjournal.com/documents/jfqhoffman.pdf> (accessed: 23.09.2024). P. 38.

заключительном этапе³, после применения политических, экономических, информационных, и других невоенных мер.

Гибридные угрозы Ф. Хоффман⁴ определяет как исходящие от «любого противника, который одновременно и адаптивно использует сочетание обычных вооружений, нерегулярной тактики, терроризма и преступного поведения в боевом пространстве для достижения политических целей». НАТО расширяет определение до «угроз, создаваемых противниками, способными одновременно адаптивно использовать традиционные и нетрадиционные средства для достижения своих целей»⁵, что позволяет постепенно включать в перечни гибридных угроз формы экономического противоборства, психологические операции⁶ и другие действия.

Вместе с тем, теория гибридной войны и связанные с ней подходы встречают критику в исследовательских кругах. Так, Г. Саймонз⁷ считает данную теорию «весьма спорной, в немалой степени из-за очень высокого уровня политизации» (что ведет к приписыванию гибридных действий «другим», но не «нам»), а также отмечает расплывчатость теории, позволяющую заинтересованным политическим акторам манипулировать различными сторонами в конфликте, «например, создать вооруженный конфликт, где нападающий может быть воспринят как жертва». Отмечая в западном академическом дискурсе устойчивые попытки связать акт гибридной войны с действиями экономических конкурентов и политических оппонентов, главным образом, Китая, Ирана и России, Г. Саймонз заключает, что, «политический класс, сообщающий об угрозе, может создать впечатление о чрезвычайной ситуации в ... международных отношениях,

³ Герасимов В.В. (2013) Ценность науки в предвидении», *Военно-промышленный курьер*, №8 (476), 27 февраля.

⁴ Hoffman F. (2010) 'Hybrid Threats': Neither Omnipotent Nor Unbeatable, *Orbis*, vol. 54, no. 3, pp. 441-455, <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2010.04.009>. P. 443.

⁵ NATO Allied Command Transformation, 2010. Bi-SC Input to a New NATO Capstone Concept for the Military Contribution to Countering Hybrid Threats. 25 August. URL: https://www.act.nato.int/images/stories/events/2010/20100826_bi-sc_cht.pdf (дата обращения: 23.09.2021).

⁶ Cusumano E. and Corbe M. (2018) Introduction, in: Cusumano E. and Corbe M. (eds.), *A Civil-Military Response to Hybrid Threats*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, https://doi.org/10.1007/978-3-319-60798-6_1. P. 5.

⁷ Simons G. (2021) Operational implications and effects of informational and political dimensions of western hybrid warfare, *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, no. 3, URL: <https://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/1078> (accessed: 23.09.2024).

манипулируя ради достижения общественного согласия для проведения агрессивной внешней политики под видом обороны».

Учитывая, что в теории гибридной войны изначально предполагается наличие у противника политической цели⁸, определенная политизация оценок гибридных угроз неизбежна. Однако представляется, что политизация *чрезмерная* ведет к переносу военной риторики на процессы, происходящие в мирное время (отсюда гибридные угрозы все чаще упоминаются без упоминаний собственно гибридной войны, гибридного противоборства и т. п.). Любые действия конкурента или оппонента преподносятся как гибридные, следовательно, как подготовка к военным действиям (в том числе конкурентная борьба за рынки сбыта). Это несет выгоду стороне, которая первой выступит с обвинениями. В связи с вышесказанным важность темы представленной работы не подлежит сомнению.

Диссертационное исследование опирается на широкий круг источников и научной литературы. Обширная источниковая база представлена нормативными актами, документами стратегического планирования, заявлениями официальных лиц, отчетами аналитических центров и практических организаций, материалами СМИ и т. д. Диссертантом проработано большое количество исследований теоретических основ гибридного противоборства. Все это придает работе фундированность, достоверность и теоретическую глубину. Диссертацию отличают такие очевидные достоинства, как строгость научных выводов, учет множества факторов гибридного воздействия на личность, общество и государство, разносторонний анализ теоретических концепций и практических рекомендаций по тематике объекта и предмета работы.

Диссертация обладает несомненной новизной, которую исследованию придает моделирование обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны. *Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации*, представляется более

⁸ Rinelli S. and Duyvesteyn I. (2018) The Missing Link: Civil-Military Cooperation and Hybrid Wars, in: Cusumano E. and Corbe M. (eds.) *A Civil-Military Response to Hybrid Threats*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, https://doi.org/10.1007/978-3-319-60798-6_2. P. 20.

чем достаточной и обеспечена логикой построения научного исследования, отвечающей поставленным задачам, обстоятельным анализом научных трудов отечественных и зарубежных авторов по тематике работы, опорой на применение общенаучных и специальных методов исследования. Автор успешно использует представленные в работе методы для анализа эмпирической базы диссертации, оценивая преимущества и недостатки существующего положения вещей в противодействия гибридным угрозам. Диссертантом даны научно обоснованные рекомендации, связанные с предметом исследования.

Использование результатов исследования возможно при разработке стратегий защиты государства, межгосударственного образования или международной организации, а также предприятий реального сектора экономики от гибридных угроз. Материалы диссертации могут использоваться в работе Министерства иностранных дел, Министерства обороны, при анализе действий специальных подразделений, осуществляющих обеспечение информационно-психологической безопасности.

Эмпирический материал, выводы и результаты исследования могут быть использованы при создании фундаментальных и прикладных исследований по политологии, социологии, а также в процессе преподавания курсов политологии, новейшей истории, социологии, спецкурсов по вопросам национальной и международной безопасности.

Результаты исследования нашли отражение в публикациях в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук, в количестве, соответствующем предъявляемым требованиям. Указанные публикации присутствуют в библиографическом списке диссертации.

В то же время к диссертационному исследованию можно сделать ряд *замечаний и рекомендаций*.

В диссертации практически отсутствует упоминание важного аспекта ведения гибридного противоборства: в гибридных действиях и даже ведении гибридной войны обвиняется *всегда* экономический конкурент или политический

оппонент, но собственная причастность к созданию гибридных угроз никогда не признается. Например, еще 18 сентября 2014 г. Европейский парламент принял резолюцию, в которой он «решительно осуждает Россию за ведение необъявленной “гибридной войны” против Украины»⁹. Представляется, что последовательное формирование репутации России как актора гибридных угроз и стало способно со временем легитимизировать в глазах аудитории в Европе самое жесткое давление на нашу страну. Сам же Европейский союз провозглашает себя обороняющейся стороной, опять же, провозглашая источниками гибридных угроз Россию и Китай¹⁰. Этот аспект упоминается автором лишь вскользь, тогда как систематические обвинения противника в гибридных действиях – важная составляющая гибридной войны, ведущейся против России коллективным Западом: понимание гибридных угроз как *практически любых* (в зависимости от политической конъюнктуры) действий оппонента служит обоснованием применения к последнему *любых* инструментов противодействия.

Интересно сжатое авторское определение феномена гибридной войны (с. 14), сформулированное с акцентом на ее цели, но не методах. Однако уже существующее в теории гибридной войны определение гибридных угроз представляется более полным, так как содержит положение о ключевом отличии гибридной войны от традиционной – сочетание традиционных и нетрадиционных *методов* ведения войны (однако стоит признать, что в развернутом варианте авторского определения упомянуты «скоординированные действия по применению военных и невоенных мер» (с. 59)). Не превращается ли «высокий уровень адаптивности» (с. 18) сжатого определения гибридной войны в расплывчатость, которая позволяет приписать гибридные действия вероятному противнику на основе любых его поступков (за что и критикуют теорию гибридной войны)?

⁹ Situation in Ukraine and state of play of EU-Russia relations. European Parliament resolution of 18 September 2014 (2014/2841(RSP)).

¹⁰ См., к примеру: Базаркина Д. Ю. Практика противодействия гибридным угрозам: опыт Европейского союза и его государств-членов // Современная Европа. – 2022. – № 2(109). – С. 132-145.

Интересно выяснить мнение диссертанта о соотношении понятий «гибридная война» и «гибридное противоборство» (последнее часто употребляется в работе, но не раскрыто).

Ряд заявлений, сделанных в диссертации, носит дискуссионный характер (с. 5: «Кризис показал, что Россия не справляется с рядом угроз, имеющих гибридный характер»; с.60: «гибридная война для государства или государств, против которых осуществилась гибридная агрессия, может быть освободительной, являясь по сути наступательной стратегией» (скорее, оборонительной – Д. Б.); и др.). Дискуссионными представляются и некоторые предлагаемые диссертантом меры обеспечения национальной безопасности России (§ 2.2) что, впрочем, повышает научную значимость проблем, поднятых в работе.

Неправомерной представляется в изучении позиции КНР по вопросам гибридной войны (с. 50) опора на публикации Дж. Ная (представитель политического истеблишмента страны-оппонента КНР) и публицистику (ссылка 77 на газету «Взгляд»), что может исказить истинную позицию КНР по изучаемой проблеме. В этом аспекте работу бы украсили ссылки на китайские источники, хотя бы в переводе на языки, которыми владеет диссертант.

На с. 52 термин «информационные войны» упоминается в контексте рассуждений о кибербезопасности. Диссертанту рекомендуется в дальнейших исследованиях провести разграничение терминов «информационные войны» и «кибервойны».

Также в дальнейших исследованиях рекомендуется более четко, возможно, на примерах, обосновать положение: «в каждой из выделенных в ходе классификации групп угроз на основе триадического метода формируются системные *“триады гибридных угроз”*» (с. 107). Пока модель «триады гибридных угроз» представляется слабо связанной с предыдущим теоретическим анализом.

В работе присутствуют публицистические обороты (с. 3: «В контексте тектонических сдвигов...»; с. 112: «политический цугцванг» и т. п.), стилистические погрешности, опечатки.

Указанные замечания имеют частный характер и позволяют представить диссертацию А. С. Максимова к защите.

Вывод: Диссертация Алексея Сергеевича Максимова «Инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития политических наук, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 28 февраля 2024 года № 02-0355), а Алексей Сергеевич Максимов заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

Член диссертационного совета РАНХиГС,
Доктор политических наук,
Профессор кафедры международной безопасности
и внешнеполитической деятельности России
факультета национальной безопасности РАНХиГС

 Д. Ю. Базаркина

«05» декабря 2024 г.

119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82
тел. (915) 156-1508, bazarkina-dy@ranepa.ru

ПОДПИСЬ ЗАВЕДУЮЩЕГО
ИНСТИТУТОМ
С. Д. МАКСИМОВ

